

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

---

*РАССКАЗЫ
О ЛЮБВИ*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
ПЗ1

Серия «Эксклюзивная новая классика»

Дизайн обложки: *Екатерина Ферез*

В настоящем издании сохранена авторская пунктуация

Издательство выражает благодарность
литературному агентству «Goumen & Smirnova»
за содействие в приобретении прав

Петрушевская, Людмила Стефановна

ПЗ1   Рассказы о любви / Людмила Петрушевская.—
Москва: Издательство АСТ, 2016.— 348, [1] с.—
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-096311-9

Эта книга Людмилы Петрушевской посвящена любви — вернее, она посвящена разным случаям любви, начиная от почти детской, безнадежной и вечной, и заканчивая любовью умной и мудрой, готовой ко всему, прощающей и спасительной. Писательница, судя по всему, знает множество историй, и иногда это почти что сказки со счастливым концом, а иногда они похожи на старые баллады, в которых бессмертной остается только любовь.

© Людмила Петрушевская, 2010
© ООО «Издательство АСТ», 2016

БОГИНЯ ПАРКА

Есть люди, которых не хотят. Никто не хочет. Вот это дело, как таким выжить.

Собственно говоря, не бывает так, что не хотят все и повсюду,— просто надо найти тот пункт, где есть человек, который не то чтобы хочет с тобой водиться, но он вообще ни о чем пока что не подозревает. Допустим, новый человек. И как-то оказывается, что около него можно угнездиться, можно что-то построить, как-то быть.

И уж если такой покладистый человек найден, то всё, дело сделано, ради него и будет нелюбимый жить и землю рыть, чтобы никто не выгнал.

Вот и угнездился такой нелюбимый, звать его было А. А., он появляется в нашем рассказе в дешевом камуфляжном костюме и в не особенно молодом возрасте, откуда-то приехал, откуда его

достала судьбина, из близлежащей провинции учитель (нелюбимый учитель).

Куда он приехал?

Это и есть история знакомства.

Он приехал отдыхать за город (жил неподалеку) и оказался в деревне, куда однажды тоже завялась одна заполошная московская тетка.

То есть он-то, А. А., как раз и снимал верандочку в избушке у родни этой тетки, так сказать, летнюю дачу, тут тебе пруд, тут тебе лесок наискосок, вечером тихо и хорошо, комары, но он света не зажигает, тихо живет себе человек, уходит спозаранку с рюкзаком на целый день, сам в камуфляже, на ногах старые кеды. В рюкзаке непонятное. Уходит на день, где-то шляется, что-то ест (а у него на верандочке даже электроплитки нет, и света учитель не жжет вообще, лампочку вывернул и хозяйке отдал. Бреется врукопашную).

Экономит?

Ничего не просит и вежливо отказывается, даже если хозяйка приносит на щербатом блюдце лишний вчерашний пирожок (сегодня опять пекут): нет, спасибо.

— Да что же вы едите-то? — в шутовой досаде восклицает хозяйка, у которой раньше на уме было кормить учителя и брать с него за это или, если не выгорит, тогда за электроплитку. Но он специально даже предупредил, что пользоваться электричеством не будет, дни длинные.

Дни ему длинные, видали? Специально подгадал от жадности.

Ох и не полюбила его хозяйка!

На вопросы он отвечает не сразу, и отвечает так, что больше спрашивать не захочется: «А какая, собственно, разница»,— вопросом на вопрос.

Даже невежливо.

Но на каждую хитрую гайку найдется свой болт, и приехала эта тетка из Москвы, развеселая, деловая-деловая, далекая двоюродная жена брата разведенного мужа что ли хозяйки.

Но эта тетка издавна на две летние недели привыкла заезжать сюда, на полотпуска, любила, видите ли, среднюю русскую возвышенность, варила варенье, солила-мариновала что под руку попало, чуть ли не крыжовник! Уезжала с хорошим грузовичком банок-пакетов-мешочков.

И кипела, кипела у нее работа в саду возле сарая в тенечке и под навесом, а там, в сарае, она и жила бесплатно, еще года три назад где досками подбила-подколотила, где перегородку поставила, и однажды даже пришла радостная с какой-то предыдущей дверочкой от хлева, на которой было написано известкой «коза».

Чужеродная соседка, которая нанимала мужиков порушить старый двор, видно, и отдала ей дверочку специально назло, чтобы москвичка не снимала угол во вражеской избе, не приносила доходов!

Причем на дверочке все было как полагается, две петли, щеколда, даже замок имелся, тоже прежний.

И выделила себе москвичка в сарае как бы комнатушку, чтобы жить бесплатно.

Свет, правда, у ней был, и телевизорчик работал, и холодильник небольшой имелся. И она платила за электроэнергию по своему счетчику, который аккуратно и оставляла вместе со всем скарбом у хозяйки в хламовнице.

Так что именно хозяйке-сродственнице ничего не перепадало, одни хлопоты.

Правда, внуки хозяйки, Машенька и Юра, все ж таки ездили к тете Алевтине в Москву на зимние каникулы, как же, Кремль повидали.

А в своей сарайной комнатке тетя Аля навела красоту, обоями обклеила, на крыше все позалатала, занавесочку повесила на ту дырку со стеклышком, которая заменяла окно. Даже какие-то нары ей сделали, на них мешок с сеном, ура! Сельская жизнь.

У хозяйки поместья, правда, масса претензий, жалоб на здоровье и на бедность, язык так и работает. Но все это не по адресу, Алевтина не желает поддерживать такой унылый разговор.

Вечерком она затевает самовар на еловых шишках вскипяченный, и хозяйка со смехом, дуя на воду (московская карамель за щекой), сплетничает Алевтине:

— У меня жилец неженатый. Жад-ный!

— О.

— Да. Неженатый холостой учитель. Тридцать пять лет.

— У! (Смех.)

— Ни копейки не хочет потратить, утром мешок за спину и ушел, а вечером явится, вымоется из ведра и спать.

— Ну!

— Что ест? Крошки хлеба на веранде нет.

— В столовую ездит?

— Нет. Ну не знаю. В столовую не наездишься, автобус всегда битком набитый с лишним... и у нас то и дело мимо проезжает, не останавливается.

— Бывает, да.

— Так что где он только шастает?

Москвичка вопросительно хохочет.

Да, приехала она только днем, только разгреблась, расставила всё, расстелила.

Завтра будем решать все вопросы.

— Смородину брать будешь?

— А сладкая?

— Седни сладкая уродилась,— поет в беспокойстве хозяйка,— дождей мало было. Поливала я ее.

— А крупная?

— Похваля продать,— раздражается хозяйка,— а хуля купить.

— Да где же я хулила? — смеется тетка Алевтина.

Хозяйка подозревает у нее большие богатства там, в Москве (дети говорили), и тоже начинает хватать собою, причем тут же похвальба неудержимо перетекает в горькие жалобы — какие две трехкомнатные квартиры она уступила дочерям, когда собственный дом в городе у нее ломали, а сама сидит зимой в однушке, и что у старшей муж капитан

милиции, а у другой вообще пожарник на заводе, сутки спит на работе, двое спит дома.

— И покрыть крышу не допросишься, смотрит сериалы не оторвешь его. Буду нанимать. А детей на лето ко мне! Три раза в день баба кушать! Всё я, всё я (и т. д.).

Обычные разговоры хозяек, героинь труда и ненаписанных комедий. Самовосхваление в форме справедливого гнева.

Тем временем постоялец, тень в пыльном камуфляжном обмундировании с горбом за спиной, бесшумно открыл калитку (Тишка затыкал), пробрался по дорожке к дому, да и шмыг на свою верандочку и там закопошился. Вышел с ведрами, что-то буркнул издали и двинул по воду. Вернулся, помылся под рукомойником до пояса.

Такая вот мирная картина.

Две Пенелопы дуют чай и смотрят на вернувшегося из странствий человека, который сам себе льет на спину.

— Алексейч,— величаво, но не без трусости восклицает хозяйка,— падалицы вон сколь яблок напало, у меня кости ноют подбирать, накладывай себе.

— Простите? — фыркая, как конь в овсе, отвечает постоялец.

Хозяйка машет рукой и почти открыто сообщает тетке Алевтине:

— Нелюбимой он какой-то, Валентина (она не может, видимо, воспроизвести слово «нелюдимый»). И «Алевтина» у нее не получается).

Новый Одиссей убирается к себе.

Тетка Алевтина же похохатывает довольно. Причем совершенно некстати. Смех у нее низкий, трубный. Несущийся в сторону терраски.

Но там тихо, темно. Ничто не шебуршнется.

— Чуден Днепр при тихой погоде, — ни к селу ни к городу замечает тетка Алевтина и опять изрыгает свой утробный хохот.

Как бы намекая на профессию учителя.

Хозяйка тем временем талдычит свое:

— Тридцать пять лет ему, и никого.

— В смысле?

— Что же человек гуляет. Добро пропадает. Вхолостую живя.

— Какое... добро? — хохочет московская тетка, уже давно сама напряженно размышлявшая на эту тему.

У тетки Алевтины много-много есть на примете девочек и женщин, тоскующих в перенаселенной Москве, но не для них, не для девушек, перенаселенной. Для них-то Москва безлюдная пустыня с волками. Утром на работу, вечером с работы в опасениях, на выходные надо куда-то сходить в гости или с подругой по магазинам, тоска.

А тут вот он, здоровый. При всем своем организме, не кривой не хромой, не заика, не псих, наверное.

Как это он ловко ответил «простите», чтобы ничего не отвечать. И пресек ненужный разговор.

А яблок-падалицы полно по окрестным брошенным деревьям, вон сколько вокруг тоже вхолостую

стоящих, одичавших садов с малиной, смородиной мелкой, сливами, дикими грушами!

— Он не в Комаровку ли бегаёт? — вопрошает задумчивая Алевтина.

— Хер яво знает,— зевает хозяйка.

— Ну иди, я чашки помою.

— И то пойду, Валь. Ребята поздно прибегут. У меня аллергия на солнце, я в четыре встаю, я така мочунья,— важно заявляет страдальца и уползает к себе на ведро. Из приоткрытого окна слышен далекий звон струи, как в подойник.

Попили чайку, так сказать. Так-то хозяйка поднимает юбку под деревьями, считая это полезным для сада, но когда тут вечером постояльцев полон двор!

Частые звезды проклевываются на небесах, проступают как знаки судьбы, создают рисунок будущего.

Тетка Алевтина вздыхает, глядя в сторону ушедшего заката.

Нина, вот кто ему подойдет, нелюдимая тоже, фармацевт в аптеке, ее мать недавно умерла, Нина. Ей тридцать семь лет. Однокомнатная квартира в далеком каком-то Дегунино, на краю Москвы. Как они там уживались? Мать спроваживала редких женихов вон. А куда их всунуть было? Тихая Нина, глаза водянистые, большие как буркалы, молчит (на работе готовит микстуры и мазилки и тоже, наверно, молчит).

Ее мать была тоже дальней родней Алевтинино-го бывшего мужа. Их там родни было как песку.

Сага о Форсайтах, клянусь. Все перли в Москву, женились, выдавали замуж дочерей. Невесты, невесты. Свадьбы, обиды.

Прекрасно, думает тетка Алевтина, как думала бы древняя богиня Парка, плетя нити человеческих судеб — и так и сяк их перекрещивая и связывая будущими детьми.

Та тонкая нить судьбы, на которой привязана была эта лупоглазая корова Нина, вдруг затрепетала, забренчала и натянулась золотым лучом, как от небольшого маломощного прожектора, шарящего в глухой тьме.

Что же, другая нить судьбы пока еще провисала как ленивая веревка между лодкой и причалом на берегу.

Но луч сверкнул, шаря и пронзая тьму, заволновалась вода, лодка тяжело заворочалась, плеснула туда-сюда, отошла от мостков — и нате, веревка тоже натянулась и запела. И тут же луч прожектора полоснул по ней, зажег нестерпимым золотом эту мокрую невзрачную бечеву. Она загорелась, распушилась, показала каждую свою ворсинку, как на хорошей художественной фотографии в каком-нибудь лаковом журнале.

Тетка Алевтина затаилась и ждала.

Будущий ребенок тоже затаился там, в прозреваемом далеке.

Тихо было во дворе и в мире, громоздились полные ягод кусты, стояли стеной старые яблони. Сладко пахли вечерние флоксы и табаки.

И тут тень А. А. мигом просквозила сквозь мглу в сторону сортира. Ни скрипа, ни стука не послышалось при этом. Не прошелестела задетая на ходу штанина. Как он так мог дунуть?

Это понравилось старой Алевтине.

Она продолжала выжидать и среагировала на возвращение смутной тени из ада деревенского сортира следующим воплем:

— Доброй ночи!

(Как «руки вверх!», между прочим.)

— Доброй,— растерявшись, ответила тень и на секунду застыла.

— Вы что же как поступаете? — сухо спросила Алевтина.

— Простите?

— Ну так я и знала. Ну вы подумайте! И как же теперь быть? — спросила тетка Алевтина.— И не просите прощения, не прощаю. Никаких ваших «простите».

А он опять чуть не вякнул свое слово-выручалочку, свое «простите», которым прерывал все бабские вопросы.

И А. А. замер на полушаге, как замирает петух, втянув, отшатнувшись, головушку и занеся лапу — но еще не ступив ею.

— Вы сколько должны-то? — строго, даже недоброжелательно продолжала Алевтина.

По силуэту было видно, что петух обомлел,— видимо, А. А. подумал, что тетка обозналась, приняла его за кого-то другого.

— Кто? — брякнул этот половозрелый самец и влип, потому что на самом деле ему надо было бежать на верандочку, накинуть дверной крючок и мигом на топчан, мигом! И с головой одеялом накрыться!

А он как дурак остановился и спросил это свое «кто».

Может быть, у него была совесть где-то там нечиста, что-то он наделал в родных местах и теперь боялся погони?

Испугался мужик, испугался.

Алевтина тихо сказала:

— Я не буду орать на всю деревню.

Петух подумал, протянул лапу в пятнистой штанине и с грохотом поставил ее впереди себя. То есть сделал первый шаг навстречу своей судьбе. Потом поднял вторую жилистую ножку и занес ее над землей в намерении сделать следующий шаг. Сердце петуха сильно билось.

Но он неуклонно ступал и ступал вперед, гремя доспехами, тряся сережками и качая тряпочкой красной бороды. Глаза его в сухих оранжевых ободках торчали как блестящие пуговицы. Гребень налился клюквенным соком и тяжело нависал. Полная картина!

«В суп, в суп зовут», — билось в петушиной голове неоформленное сознание, однако мозолистые, набитые в бегах лапы вращали суставами, как паровозные рычаги, делали обороты, и А. А. приближался к дощатому столику с самоваром, за кото-

рым сидела грузная старая Алевтина в причёске типа «полубокс», сделанной ради летних работ.

В сумерках как-то скрадывались ее женские черты, два мешка впереди, грудь и брюхо, сливались в одно монументальное целое с крутыми плечами, и выглядела Алевтина как какой-нибудь римский император с чубчиком на лоб. Суровый, тонкий рот и выдающийся нос все отчетливей проступали в полумраке.

Тетка Алевтина повела себя как начальство.

— Ну, что вы можете сказать в оправдание?

Петух даже крикнул и неожиданно охотно заключал, что ничего не должен, электричества вообще не жжет, ведра мои, а вот вода из колодца как решить проблему? Хотя хозяйка почему-то говорит, что рыли его вскладчину и она лично внесла 350 тогдашних когдатешных рублей! Но только, так сказать, за себя, а не за своих дачников, чем ей и угрожают якобы, спрашивают вроде бы, по какому праву в сухое лето колодец весь к вечеру растасканный? А ведь я беру не для полива, а только 20 литров в сутки, в то время как другие по 200!

— Это мы решим,— отвечала тетка Алевтина.— Это дело решаемое. Не сунутся. Как величать вас?

— В смысле? — выдал домашнюю заготовку А. А. У него их было несколько. Он тренирован был на учениках не отвечать сразу. Вообще не отвечать на вопросы.

— Ну Андрей?

— Предположим.

— Андрей Алексеевич, чаю без заварки и сахара выпьешь? Все равно выливать кипяток буду.

— Нет — спасибо,— отвечал петух задиристо.— Я Александрович.

Так и заварилась эта безумная, несусветная каша, куда А. А. попал и увяз там — осмотрительный, осторожный, закаленный, боевой и злобный, всегда неудержимо и неуклонно попадающий в суп петух.

А дело происходило в золотейшее время, в самую сердцевину лета, был конец июля — начало августа. Когда плодам уже нужно зреть и падать.

В августе тетка Алевтина отбыла, нанявши микроавтобус, в Москву, уместившись среди банок, мешков и пакетов. Все это дело грузил ей А. А., а местный водитель хмуро смотрел от переднего колеса и не помогал, так как не было уговора на погрузочные работы (мужики этой деревни и всех окрестных поселений профессионально пили и не нанимались ни к кому из дачников работать, ничего не делали, боясь продешевить по сравнению с ценами в Москве, о которых ходили умопомрачительные, волнующие слухи. Мужики сидели на этих слухах, как скупые рыцари на мешках с золотом, зная свои возможности и торжествуяще не шевеля пальцем).

Хозяйка наблюдала из окна эвакуацию и тоже не шевелилась. Пущай сами волокут.

Затем она вдруг всколыхнулась — учитель взял два рюкзака с веранды, две здоровенные брезентовые сумки, отволоч их в машину, сказал: «Спаси-